

3-4-62 ССКР

О страданиях русских галичан¹⁾

От редакции

Белоруссы счастливее нас, их собратьев, юго-западных русских. Враги России не позабыли о своевременном лишении белоруссов природного, исторического имени. Забыли в революционной суматохе, что ли. И вышло неловко: белоруссов приказали считать иностранцами, а имя их — бело-РОССЫ, бело-РУССКИЙ, выдает обманщиков с головой.

В отношении нас, русских южной и западной Руси, обманщики-революционеры оказались в положении несравненно более выгодном: могли воспользоваться кличкой „украинец”, заготовленной заблаговременно, задолго до революции.

В какие реки крови обошлась кличка „украинец” одним только галичанам, можно составить хотя бы приблизительное представление, читая публикуемые ниже показания.

Мы их публикуем не только для информации читателя, плохо или совсем не знакомого с историей борьбы за право называться своим природным именем, отнимаемым врагами даже в эмиграции.

Нет, мы это делаем, имея в виду даже не современных янычар из украинствующих врагов своего же родного русского народа. В данном случае мы имеем в виду тех, кто опаснее янычар, кто приносит несопоставимо больший вред своему народу, чем это могут сделать янычарские полки. Мы печатаем этот материал в первую очередь для того, чтобы обратить на него внимание русских же интеллигентов. Нам хочется сказать им: не подхватывайте никаких кличек для русского народа, изготовленных чужими и навязываемых для всеобщего употребления.

Вы, знающие многострадальную историю своего народа и действительность, в которой он вынужден сейчас пребывать, не отрекайтесь перед разношерстными врагами России от русского имени.

Не клеймите русский народ кличками; больше того, боритесь за русское имя, за русскую правду, в соответствии с требованием таких наук, как история, география, этнография и языковедение.

Русские эмигранты: ведь вы — посланники и без того обокрашенного русского народа. Зачем вы в слове и письме так часто обворовываете его виконец, употребляя перед лицом всего мира искусственную терминологию!?

Не отрекайтесь от самого дорогое, самого важ-

ного, без чего мы дрянь, пыль, ветром гонимая, кайны...

Не отрекайтесь от своего природного русского имени ни за себя, ни, тем более, за русский народ. Ни прямо, ни косвенно — через ложную терминологию, словесный блуд, безответственность мысли, неряшливоность чувства. От зла можно спастись только в том случае, если не уступать ему ни в чем ни на iota.

**

„Депутат австрийского парламента, поляк г. Дашинский (русские депутаты были приговорены к смертной казни) сказал на одном из заседаний, что у подножья самых Карпат от расстрелов и виселиц погибло около 60.000 невинных жертв” (Временник, Научно-Литературные записки Львовского Ставропигиона на 1935 г., стр. 68 и 69).

За что погибли эти люди? Были ли они действительно невинны? Об этом мы можем узнать из речи инженера Хиляка, представителя галицко-русской молодежи:

„Талергоф,²⁾ пекло муки и страданий, лобное место, голгофа русского народа и густой лес крестов „под соснами”, а в их тени они — наши отцы и наши матери, наши братья и наши сестры, которые сложили там головы. Неповинно! Но во истину ли неповинно? Нет, они виноваты, тяжко виноваты. Ибо своему народу служили верно, добра, счастья и лучшей доли ему желали, заветов отцов не ломали, величую идею единства русского народа исповедывали. И не преступление ли это? Однако наиболее странным, наиболее волнующим, наиболее трагическим в этом мученичестве русского народа было то, что брат брата выдавал на пытки, брат против брата лжесвидетельствовал, брат брата за иудин грех продавал, брат брату Кайном был. Может ли быть трагизм большие и ужаснее этого? Пересмотрите историю всех народов мира, и такого явления не найдете. Когда лучшие представители народа „изнывали по тюрьмам сырьим, в любви беззаботной к народу”, в то время, вторая его часть создавала „січові” отделения стрелков и плечо о плечо с палачем-гнобителем своего народа добровольно и охотно защищала целость и неприкословимость границ Австро-Венгерской Империи. Где же честь, где народная совесть? Вот до чего довела слепая ненависть к Руси, привитая на продолжении долгих лет, словно отрава народа-

¹⁾ Эту статью печатаем по просьбе многих читателей, которые в своих письмах просили рассказать кое-что на страницах журнала о тех мучениях и страданиях, которым подверглась Галичина в первую мировую войну.

²⁾ Талергоф — один из самых страшных концентрационных лагерей для русских галичан в Австрии в первую мировую войну.

ной душе. Предатель забыл свою историю, отбросил традиции, вырекся своего исторического имени, потоптал заветы отцов..." (там же, стр. 84-85).

С той же силой свидетельствует нам о славных деяниях самостийников в Галичине Фома Дьяков, крестьянин села Вербежа, из под Львова. Он был приговорен к смертной казни в 1915 году, но император Франц Иосиф подарил ему, и некоторым другим, жизнь.

„Нехай не гине николи память о наших невинных тысячах русских людей, лучших и дорогих наших батьков и матерей, братов и сестер, котри в страшных муках погибли от куль, багнетов и на австро-мадьярских шибеницах (виселицах), що неначе густий лес покрыли всю нашу землю. Той зверский терор в световой истории записано кровавыми буквами и я верю, що та память о мучениках буде вечная. Наши дети, внуки, правнуки и тысячелетний потомки будут их вспоминати и благословити за тое, що в страшных смертельних муках и страданиях не выреклися своего великого славянского русского имени и за идею русского народа принесли себе кроваво в жертву. Ганьба (стыд) буде на вечный спомин за писемни и устни ложни доноси выродних наших родних братов, котры выреклися тысячелетнего русского имени, стались лютыми янгличарами, проклятыми кайнами, ѹодами, зрадниками и запрощанцами русского славянского народа и русской славянской земли за австро-йские и германские охланы!" (там же, ст. 75).

А вот, речь другого крестьянина, Василия Куровца, села Батятич, из под Каминки Струмиловой.

„Сумний в истории Руси був 1914 рок! Австро-їя думала, що огнем и мечем вырве з груди народа нашого русскую душу, а Немечина думала, що захолит в свои руки урожайний, чорноземний край от Карпат до Кавказа. Коли той план заломився о русские штыки, то немецка гідра стала мститися на невинном галицко-русском народе. О Русь, святая мать моя! Поможи забути ту жестоку муку, ту обиду, нанесену нашему обездоленному народу. Сумно и страшно погадати: тысячи могил раскинулись, куды лише очима поведено, по нашей отчине, и тысячи могил под соснами в Талергофе. В тиху ночь чути их стон и горькие рыданья и тугу за родную землю... Скажемо себе ныне, братя и сестры, що николи мы их не забудем и рок-рочно будем поминати по закону наших батьков, и таким способом будем передавати их имена нашим грядущим поколениям. Тут торжественно могу заявить, що если-б наветь все отреклися их ідеї, то-есть Святої Руси, — здорована селянска душа буде

крепко ей держатися, бо та ідея освящена кровью наших батьков и матерей".
(там же, стр. 78)

Кто же эти иуды-предатели, которые отреклись от тысячелетнего русского имени и повели своих братьев на страшную голгофу Талергофа? Об этом мы можем узнать из речи отца Иосифа Яворского, из села Ляпкова, депутата в сейм в Варшаве.

„Дорогая русская семья и честные гости! Еще в 1911-12 г.г. многие представители Украинского Клуба в австрийском парламенте, паче всех Василько и Кость Левицкий, старались всеми силами доказать австро-немецкому правительству, что они являются верноподданнейшими сынами и защитниками Австрии, а все русские организации и общества, то наибольшие враги австро-йского государства. Эта лояльность украинцев ввиду Австрии породила кровь, муки, терпение русского народа и Талергоф. Всем, кто знает австро-йское парламентарное устройство, ведомо, что так называемые делегации австро-йского и угorskого парламента собирались то в Вене, то в Будапеште. В 1912 году представитель украинского клуба, д-р. Кость Левицкий, во время заседания такой делегации внес на руки министра войны интерpellацию следующего содержания:

„Известно ли вашей экскеленции, что в Галичине есть много „русскофильских” бурс (общежитий) для учащейся молодежи, воспитанники которых приобретают в армии права вольноопределяющихся и достигают офицерской степени? Каковы виды на успех войны, ежели в армии, среди офицеров, так много врагов — „русскофилов”? Известно ли вашей экскеленции, что среди галицкого населения шляется много „русскофильских” шпионов, от которых кишит, и рубли катятся в народе? Что намеряется сделать ваша экскеленция на случай войны, чтобы защититься перед „русскофильскою” работою, которая в нашем народе так распространяется?”

Министр ответил, что примет предупредительные меры, чтобы ненадежные элементы, т. е. студенты-русскофилы, не производились в офицеры и на случай войны обезвредит „русскофилов”. Последствия этого запроса Костя Левицкого — то лишение многих студентов-славян офицерских прав. Административные власти выработали списки и на основании их все русские были арестованы.

Армия получила инструкции и карты с подчеркнутыми красным карандашем селами, которые отдали свои голоса русским кандидатам в австро-йский парламент. И красная черточка на карте оставила кровавые жертвы в этих селах еще до Талергофа.

Вы сами помните, что когда в село пришел офицер, то говорил вежливо, но увидев красную черточку на карте, моментально превращался в палача. И кричал немец или мадьяр:

— Ты рус?

А наш несчастный крестьянин отвечал:

— Да, русин, прошу пана.

И уже готовая веревка повисла на его шее! Так множились жертвы австро-мадьярского

произвола. Но вскоре не хватило виселец, снурков, ибо слишком много было русского народа. Для оставшихся в живых австрийская власть подготовила пекло, ему имя — Т а л е .
р г о ф ! Если бы кто-нибудь не поверил в мои слова, что Талергоф подготовили вышеупомянутые мною украинцы, пусть посмотрит в стенографические записи делегаций".

(там же, стр. 86 и 87)

КОГДА СТРАДАНЬЯ СПЯТ

Когда шумящий город засыпает
и молкнет гул трамваев да возов,
осенний мрак всю Прагу обнимает,
как привиденье чудных старых снов, —

Тогда унылый плач мой утихает,
как матерью избитое дитя,
умолкну я, и сердце отдыхает,
по лучшим дням тоскуя и грустя...

Как старый тон мелодииозвучной,
я вспоминаю дальний светлый край,
с которым я вовеки, неразлучно,
во сне цвету, как первый теплый май.

Мне грезятся прелестные виденья,
мне чудятся родимые места,
мой край родной, минуты наслажденья...
Сияя нега, прелесть, красота...

Тогда молчат глубокие страданья
и раны сердца заживают вновь.
И забываю я нужду скитаний,
тогда в душе опять цветет любовь.

Андрей Карабелеш.

18

Расцвела Карпат земля,

Много радости и горя
Пронеслось над сей страной,
Словно волны в вихре моря,
Веет ветер стариной.

Свет вечерний, свет румяный
Засыпает в тишине.
Догорает в вышине,
Замок черный, замок старый